

РОДНАЯ или НЕ ПОСЛЕДНИЙ РУССКИЙ РЕЧЬ,

ЗАХАР
ПРИЛЕПИН:

*комментарии
и наблюдения*

*Составитель
Людмила Зуева*

Захар Прилепин
Людмила Зуева
Родная речь, или Не последний
русский. Захар Прилепин:
комментарии и наблюдения
Серия «Захар Прилепин.
Публицистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66212334

Родная речь, или Не последний русский. Захар Прилепин: комментарии и наблюдения / [Сост. Л. Зуева]: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-137379-5

Аннотация

Захар Прилепин – русский писатель, автор более 20 книг, переведённых на 25 языков и неоднократно экранизированных, политик (создатель движения «За Правду» и «Гвардии Захара Прилепина», сопредседатель всероссийской социалистической партии «Справедливая Россия – За Правду»), телеведущий (в числе его проектов – телепрограммы «Уроки русского» (НТВ),

«Соль» (РЕН ТВ), «Чай с Захаром» («Царьград»), сериал «Вечная Отечественная» («Звезда»), музыкант (лидер группы «Элефанк», записавшей 4 альбома), боец и офицер ряда спецподразделений, участник нескольких локальных конфликтов (в том числе в ДНР), редактор ряда СМИ, киноактёр (фильмы с его участием удостоились крупных российских и мировых кинопремий), культуртрегер и организатор успешных фестивалей, зам художественного руководителя МХАТа им. Горького, основатель гуманитарного фонда, многодетный отец...

Книга «Родная речь, или Не последний русский» – попытка отследить деятельность Захара Прилепина по всем указанным и некоторым не указанным направлениям.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Вместо предисловия	6
Генеалогия. Оздноворцы Прилепины	16
Детство	33
Юность	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Родная речь, или Не
последний русский.**

Захар Прилепин:

комментарии и наблюдения

(Сост. Людмила Зуева)

© Захар Прилепин, текст

© Людмила Зуева, составление

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Пришёл из России – иди, так много её впереди...

Вместо предисловия

Письмо читателя Захару Прилепину

Давно хотел Вам написать, да всё руки не доходили. В наше чокнутое время – времени как раз и не хватает...

С Вашим творчеством я познакомился лет двенадцать назад на своей даче. Сидел перед раскрытой печной топкой, раскладывал в ней щепочки.

Потянулся за газетой для растопки, скомкал её в кулаке, взгляд скользнул по чёрному печатному тексту... Бросились в глаза слова «Родина», «Счастье», «Любовь». Я разгладил на полу разворот «Комсомолки».

Лысый мужик с фотографии рядом с заголовком статьи пристально смотрел мне в глаза.

Начал читать – и забыл обо всём. Сказано в Писании: «И стал свет...».

Все мои бессонные ночи, слёзы ярости, глухая ненависть, и надежда, и любовь, и терзания, и отчаяние – всё обрело смысл...

– Что случилось, Миш? – обеспокоенная мама заглянула на кухню. – Чего молчишь? Читаешь? Что пишут, что-то произошло?

– Статью читаю. Прилепин какой-то пишет. Про Родину. Про любовь.

– Про Родину? А где у него Родина?

– То-то и оно, что Родина у нас с ним – одна...

С тех пор прошли годы. Я многое узнал про Вас. Прочитал всё, что Вы написали, и всё, что было Вами издано. Посмотрел Ваши фильмы. Вслушался в Ваш рэп.

Но тогда, на полу тесной кухоньки, я понял главное: Родина моя – жива!

Когда мой родной уездный городок появляется на взгорье за поворотом федеральной трассы, у меня на секунду останавливается сердце.

Над белёсыми карстовыми обрывами, сверкая куполами церквушек над прозрачными озёрами, подмигивая окнами купеческих особняков, мой город детства надвигается на меня.

Зажатая в треугольнике живописных рек, в неугомонном птичьем грае летом и посвисте завирухи зимой, в поскрипывании деревянной мостовой под пацанскими сандалетами, в бодрящей свежести речных ветров с затонов, моя малая родина живёт внутри меня.

Сверху на неё смотрит поросшая хвойным лесом гора, хранящая тайну Ледяной пещеры, в которой как-то зазимовал Ермак. Каждый год я бываю на этой горе.

На обратной её стороне у подножья белоснежной церкви, где я крестился, раскинулось кладбище. Уже восемь лет на нём лежит моя мама...

Там, под вековыми дубами и берёзами, похоронены все мои предки. От основания города. Те, кто не погиб на мно-

гочисленных войнах, не сгинул при отступлении колчаковских войск, не пропал в дальних полярных экспедициях. Когда я иду по аллее к храму, справа и слева они шепчут мне: «Не подведи нас. Теперь ты – наш представитель. Наш посланник».

Так они мне шептали на улицах Сумгаита и Баку, когда небо полыхало от разрывов, когда мой корабль шестибалльным штормом гнуло ватерлинией на волну, когда сотни русских беженцев смотрели на меня как на надежду из кузовов машин...

Когда-нибудь я стану частью своей Родины. Воссоединюсь с предками. Сплетусь с ними корнями. И буду шептать своим потомкам всё те же слова.

Спасибо, Захар, что Вы есть. Я лишь на пять лет старше Вас. У меня тоже филологическое образование и прошлое в бронезилете.

А Советский Союз мы обязательно восстановим! Это неизбежно. Так и будет.

Владислав Шурыгин

военный эксперт, публицист, писатель [интервью Л. Зуевой, 2021]

Я уверен, что судьба Захара Прилепина вписана особым кодом в современную историю России, и вся его предыдущая жизнь – подготовка к тому новому этапу, который, я уверен, сейчас начинается.

Он был солдатом, он прошёл через политическую кузницу очень мощной, молодёжной, энергичной партии. Он знает, что такое политика! Причем не унылая, скользкая, старческая политика, которой пропитана нынешняя Дума все последние 30 лет, – а яростная, молодёжная, связанная с улицей, с людьми, с их энергетикой. Он всё это прошёл вместе с Эдуардом Лимоновым.

Но Захар остался самим собой. Он состоялся как прекрасный писатель, и будет ещё написано немало книг, – но при этом он принёс и своё писательство, и свой талант в жертву, чтобы заниматься реальной политикой.

Время старых, снулых, пресных партий ушло! Нынешняя политическая магма, нынешний мировой политический котёл требует от России совершенно другой энергетики. И Захар – тот человек, который способен эту энергетику привнести.

Я уверен, что место, занимаемое Захаром сегодня, – это трамплин, с которого он должен совершить восхождение на свою политическую Джомолунгму во имя тех целей и убеждений, которые он все эти годы исповедовал. Именно тогда и состоится его предназначение.

Сергей Пускепалис

актёр, режиссёр, художественный руководитель Ярославского театра драмы имени Ф. Волкова [«Комсомольская правда», 15.03.2020]

С Захаром-писателем я подружился давно, как только мне попала в руки книга «Патологии». Мы с ним пересекались иногда, а потом вместе снимались в фильме «Гайлер», и вот тут уже сошлись близко. И меня в нём поразило соответствие между его личностью и смыслом, который он закладывает в свои книги. Бывает, общаешься с писателем – и думаешь: «Невозможно поверить, что он написал тот роман!». С Захаром как раз наоборот. Он – человек глубокий, сложный, очень любящий жизнь.

Потом начались какие-то встречи, разговоры по телефону. И вот он создал политическую партию «За правду», позвонил, спросил: «Серёж, как ты насчёт этого?» Я внимательно его выслушал, потом изучил его высказывания и его позицию. Зная Захара, я понимаю, что для него всё это – не поза, он искренне хочет помогать людям, подставлять плечо тем, кому это нужно.

Яков Кедми

бывший руководитель спецслужб Израиля, политолог
[«Ваши Новости», 12.03.2021]

Я отношусь к Захару с большим уважением за его знания, за его честные попытки высказать своё мнение и старания передать свои умения и силы гражданам России.

Андрей Рудалёв

критик, публицист [«Урал», октябрь 2016]

Сам Захар уже неоднократно говорил о своей поступи по жизни: барабан на шею и бить по нему что есть мочи. Идти вперёд и становиться хозяином своей судьбы, не растрачивая её по мелочам. Между тобой и миром наступает гармония, и ты понимаешь, что тебе хорошо. Через это и достигается счастье.

Леонид Юзефович

писатель [«Искусство кино», август 2005]

Это тот редкий в нашей современной литературе случай, когда талант, интеллект и обжигающий душу военный опыт не разведены по разным судьбам, а слиты в одном человеке.

Иван Охлобыстин

актёр, режиссёр, сценарист

Захар Прилепин – человек эпохи атлантов.

Прилепин – он естественный. Об него, как об чайник, можно обжечься, но он настоящий художник.

Надо двигать Захара Прилепина в президенты.

Жако Хьюи

попугай семьи Прилепных

Папа – тир-р-ран!

Александр Проханов

писатель [«АПН-НН», 29.05.2006]

Прилепин способен на изыски в гораздо большем количестве, но он смиряет свой эстетизм, потому что у него другие задачи – не эстетические, а психологические, моральные, политические.

Татьяна Толстая

писатель [YouTube-канал «Белый шум», июль 2020]

Мне не нравится ни позиция политическая Захара Прилепина, ни какие-то его выпады в сторону любой интеллигенции, – это мне всё не нравится, мне он неприятен, но он очень большой писатель! Потому что у него есть сила (мне неприятная), у него есть словесное давление (совершенно не в моём жанре и не в моём вкусе) и масса, масса других литературных достоинств. И я, правый гнилой либерал, я литературу ставлю выше политики, поэтому рукопись Прилепина, попади она мне для оценки, поставлю выше других.

Эмир Кустурица

режиссёр, актёр, музыкант (Сербия) [«Фонтанка», 11.07.2018]

У вас теперь в России есть один большой писатель – Прилепин. Его роман «Обитель» наряду с Джонатаном Франзеном, который написал «Свободу»... Это два лучших писателя на данный момент в мире.

Игорь Золотусский

критик

Это крепкий мужской стиль, крепкое мужское перо. Для меня писатель – это вера в Бога, и в Захаре Прилепине это есть.

Аньес Дезарт

писатель, переводчик (Франция) [«RFI», 18.09.2010]

А в его описании женщин и детей – столько нежности, столько поэзии...

Сергей Юрский

актёр, режиссёр [«Афиша», 07.02.2012]

Захар Прилепин очень современен, крайне. Он знает то, чего мы – принципиальные горожане в пятом-шестом поколении – не знаем. Он, житель провинции и даже сельской местности, знает, что именно там происходит – и могучее загнивание, и в какой-то степени пробуждение.

Эммануэль Леруа

политолог (Франция) [«Свободная пресса», 31.05.2020]

Ещё ни разу со времён Льва Николаевича Толстого интерес французов к русскому писателю не был столь сильным. Человек вне категорий, сегодня Захар Прилепин называет себя левым консерватором. Но прежде всего это человек, безумно влюблённый в свою необъятную страну, прорастающий своими корнями в самую глубь русской земли.

Возможно, через проявление своей любви ко всем Россиям, Прилепин и исцеляет русский мир от его противоречий, изобретая тем самым национал-синкретизм.

Евгений Фатеев

публицист, дизайнер, креативный директор агентства «StreetArt» [«Завтра», 27.12.2019]

Прилепин делает очень важную культурную работу по усложнению, утяжелению багажа нашего наследия. Он буквально реанимирует незаслуженно забытых, или не вписывающихся в упрощённую и уплощённую картину мира наших современников-писателей. Становится очевидным, что мы просто не имеем права путешествовать во времени налегке. Наша привычка с лёгкостью забывать превращает нас в очень доступный для манипуляций материал, а это неправильно.

Наталия Курчатова

писатель, публицист [Facebook, 06.09.2017]

Прилепин своим многолетним трудом, ну и плюс удача, чего уж там, построил себе позицию, сходную с позицией русского дворянина – когда он ни от кого особо не зависит и при этом очень востребован. Поэтому он один из немногих людей в культурной среде, кто реально делает что хочет и что считает правильным, а не то, что ему диктует железная рука рынка. Отсюда значительная доля того бешенства, которое

вызывает его персона у либеральных коллег. То есть дело не в том (или не только в том), что некто взял ужасный автомат и поехал на войну, – а в том, что человек может позволить себе наплевать на мнение света и вместо того, чтобы тусоваться в московских редакциях или выслуживать синекуру в западных университетах, отправиться хоть на Донбасс, хоть в лес к медведям, не опасаясь, что к нему пропадёт интерес.

Генеалогия.

Однодворцы Прилепины

Захар Прилепин

Что скрывать, едва ли в ближайшее время я бы занялся исследованием своей родословной: ну, крестьяне и крестьяне – Прилепины из села Каликино Добровского района Липецкой области, Нисифиры из села Казинка Скопинского района Рязанской области. Тянули свою лямку, возделывали свою деляночку из века в век.

Одно, впрочем, рассуждение всё время забавляло и веселило меня: Прилепины, прямо говоря, не слишком походили на крестьян – по крайней мере, на деревенских наших соседей. Или на тех крестьян, что я рассматривал в детстве на картинках в иллюстрированных книжках по русской классике.

Родившийся и выросший в русской деревне, с позволения сказать, я тоже никак не походил на писателей-деревенщиков с их строго-ласковыми, чуть стёртыми лицами – хоть на Валентина Григорьевича, хоть на Виктора Петровича, хоть на Василия Макаровича – ну, вы понимаете, о ком я.

Кто-то видел разом Личутина, Абрамова и Белова – и был поражён: они выглядели как старички-лесовички – росточком маленькие, бороды окладистые, глазки острые; три де-

ревенских классика.

Иное дело – Прилепины.

Отец мой, Царствие Небесное, Николай Семёнович Прилепин – сын Семёна Захаровича Прилепина и Марии Павловны Востриковой – был ростом под два метра, с «римским профилем», с большим лбом, черты лица – крупные; играл на многих музыкальных инструментах, рисовал, писал стихи – никогда в жизни никто его за крестьянина не принимал даже; хотя крестьянский труд он знал отменно.

Отец его, мой дед, Семён Захарович Прилепин, тоже был высок, статен, ходил всегда с прямою спиною, лицо и тело имел белое, манеры у него были совершенно благородные, неспешные, а голос – басовитый, как у громкоговорителя. И говор (сейчас приведу важную цитату из Бунина) «старинный, косолапый, крупный». Да! Именно.

Ресницы у Прилепиных были словно выгоревшие, белые, волос – белый, льяной (аляной), а бороды росли у них с рыжиной.

Руки у всех были крупные, пальцы длинные, «аристократические», не крестьянские.

Насколько я мог рассмотреть на фотографиях, которые в родовом нашем каликинском доме висели под стеклом прямо над входом в большую комнату, и более давние предки, и мои двоюродные деды и бабушки тоже имели особую, не совсем привычную породу.

Но всё это оставалось на уровне ленивых размышлений и

смутных догадок.

И тут, совершенно неожиданно, пишет мне член Академии ДНК-генеалогии Илья Рыльщикова, и сообщает, что решил заняться моей родословной, и занялся уже. И даже готов сказать, что предки мои – однодворцы.

Однодворцы в Российской империи – сословие, возникшее при расширении южных границ Русского государства и состоявшее из военизированных землевладельцев, живших на окраинах государства и охранявших пограничье. Потомки служилых людей, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах в XVI–XVII вв., которые в дальнейшем не приобрели права российского дворянства (хотя могли бы). Класс однодворцев сформировался из русских детей боярских украинских городов (особый разряд детей боярских), стрельцов, драгун, копейщиков, пушкарей, обедневших дворян, казаков, реже – монастырских крестьян.

Однодворцы не имели большинства дворянских прав и привилегий, платили налоги и несли повинности (в том числе рекрутскую), однако могли владеть землёй и крепостными крестьянами. Однодворцы были освобождены от телесных наказаний. Как и дворяне, все однодворцы уже в 17 веке имели фамилии и в 18 веке в документах упоминались только с ними. Подавляющее большинство однодворцев выбирали в жёны представительниц своего сословия.

Прочитав у Бунина портрет позднего, уже оставившего военную службу, но сохранившего определённый склад речи и характера однодворца («Он говорит: що, каго, яго, маяго, табе, сабе, таперь, но всё как-то так, что слушать его большое удовольствие... Главная черта его, кажется, заключается в неизменно ровном и отличном расположении духа...») – я сразу, безусловно, узнал своего деда Семёна Захаровича Прилепина: это он, он; надо же!

В общем, так я, всю сознательную жизнь свою иронизировавший по поводу «голубых» кровей и прочих «наследников по прямой», получил некоторые основания предполагать, что предки мои когда-то потеряли своё боярское или дворянское имя; и хотя это, заранее скажу, не подтвердилось – по крайней мере на расстоянии до тех глубин, куда добрались исследователи моего рода, – жили Прилепины и Востриковы на особицу, права имели особые, и пороть их никто не мог, и являлись они представителями отдельного социального подкласса.

И, наконец, я узнал самое главное – 300–400 лет назад они были служивым сословием и стояли на страже окраин (украин) нашей Родины.

А это, как вы понимаете, знание очень важное и дорогое для меня.

Я не один. За моей спиной стоят мои предки – служилые люди, не раз ходившие в походы: в том числе, скорей всего, на те земли, где служил и я – а они их когда-то присоединяли;

так что дело это родовое.

Дальше собственно подробности, предположения и моё генеалогическое древо: только посмотрите, какие там имена.

Я благодарен Илье Рыльщикову, его соавтору Светлане Карнауховой, и всем их помощникам – несказанно.

Сами имена моих предков, пусть даже были они бы чёрной чернью беспородной, – звучат для меня как самая удивительная музыка. В роду у меня были – Зот Прилепин, Тихон Прилепин, Авдотья Прилепина, Марфа, Устин, Гервасий, Василиса...

Илья Рыльщиков

В романе Захара Прилепина «Обитель» главный герой видит во сне своих пращуров, чьё спасение от верной гибели – от стрелы и ядра неприятеля, от пожара – позволило появиться на свет самому герою.

В предисловии к «Обители» автор проникновенно рассказывает о своих недавно ушедших родных людях. (И в «Саньке» об этом же идёт речь.) Также в «Обители» есть запоминающаяся глава о разрушении монастырского кладбища на Соловках.

В рассказе «Бабушка, осы, арбуз» Захар Прилепин пишет: *«У реки я присел на траву. Неподальёку стояла лодка, старая, разохшаяся, мёртвая. Она билась о мостки, едва колыхаемая, на истлевшей верёвке. Я опустил руку в воду, и вода струилась сквозь пальцы. Другой рукой я сжал траву*

и землю, в которой лежали мои близкие, которым было так весело, нежно, сладко совсем недавно...»

Читая роман Захара Прилепина «Санькя», я выделил для себя монолог пожилого крестьянина:

«А Русь, если поделить всю её на мной прожитый срок, – всего-то семнадцать сроков наберет. На семнадцать стариков вся Русь делится. Первый родился при хазарине ещё...»

В романе «Санькя» также мне запомнились строки о стирании родовой памяти:

«Только один он, Саша, и остался хранителем малого знания о той жизни, что прожили люди, изображённые на чёрно-белых снимках, был хоть каким-то свидетелем их бытия. Не станет бабушки – никто никому не объяснит, кто здесь запечатлён, что за народ...»

И это именно то, что меня самого волнует. Есть интерес к ним, к моим предкам и к людям, с которыми я не состою в кровном родстве, но которые вместе с моими родичами жили на одной земле, рядом, по соседству, ходили на службу в ту же церковь, молились одному Богу, служили тому же государю. Пока жизни тех людей погружены во тьму – родовая память стёрта. Но не хочется с этим мириться. Желание понять и узнать их – всё это очень знакомая и для меня самого история. Радостно, когда в художественной литературе встречаешь темы, которые волнуют тебя самого. Особенно приятно, когда о важном для тебя написано увлекательно и убедительно. А ещё лично мне очень знакомо и близко же-

вание разузнать, разведать, раскопать хоть какую-нибудь информацию о них, о моих родных людях, восстановить утраченную родовую память. Вообще интересно открывать тайны прошлого.

Вот бы провести генеалогическое исследование по Захару Прилепину, однажды подумалось мне. Я поделился этой идеей со специалистом по генеалогии, администратором группы «Генеалогия для всех» ВКонтакте Светланой Карнауховой. Ей идея сразу понравилась, и она согласилась помочь мне.

Почему меня заинтересовал именно Захар Прилепин? Не только ведь из-за правильных мыслей, изложенных в его литературных произведениях, мыслей понятных и близких мне, и созвучных с моими. Не только поэтому. Главное, всё-таки, – из-за войны. Ведь мы пребываем сейчас на войне. «Какая война? – скажут 90 % простых людей. – Вроде бы вокруг не стреляют, всё тихо».

Но точно такое же легкомысленное настроение наблюдалось у советских людей и в мае сорок первого, несмотря на песню «Если завтра война» и фильмы по этой же тематике. За пару месяцев до кризиса в Ливии не один ливиец не поверил бы, если бы ему сказали, что его страна может в одно мгновение превратиться из самого богатого государства на африканском континенте в пепелище. Люди в массе своей стараются не замечать глобальных политических процессов, происходящих в их стране, на континенте, в мире. Люди живут своими житейскими проблемами. И, наверное, так было

всегда, и с этим ничего не поделаешь.

До мая 2014 года и для меня глобальные проблемы были чем-то далёким, бесспорно важным, но почти нереальным, как сюжеты художественных фильмов. «Всё плохое осталось в прошлом и уже не повторится», – думалось мне. Представить себя на дымящихся руинах Сталинграда – такое мне никогда не приходило в голову. Но началась война на Донбассе, в том городе, где я родился, где на тот момент жила моя бабушка, мои двоюродные-троюродные родственники, и глобальные проблемы перестали быть для меня далёкими, абстрактными и не касающимися меня. Захар воевал на той войне. За меня воевал. Нет, он не только человек с ружьём. Не это главное. Это тоже важно, но его миссия важней. Он – идеолог. Он – поэт в России, который больше, чем поэт. Его та, донецкая публицистика, его реплики и посты с места событий в социальных сетях возвращали и возвращают нам самих себя, помогают нам понять, что мы не только поедатели еды и изнашиватели одежды. Мы – кроме этого – люди, у которых есть Родина, мы связаны с землёй, по которой ходим, и в долгу перед ней, о чём мы как-то подзабыли. Он помогает нам вернуть свою идентичность. И спасибо ему за это. Поэтому – Захар. Поэтому возникла идея провести генеалогическую работу именно по его предкам.

Захар

Сложные, конечно, испытываешь эмоции, когда вдруг те-

бе приносит добрый человек вот такой документ: РГАДА, ф. 210, д. 2030. Сказки добренских солдат 1697 года, лист 374, в котором говорится:

«...села Каликина отставной драгун Иван Федотов сын Прилепин... в прошлом во 7195 (1687) году от драгунской городской службы за старостью отставлен. У меня четыре сына: Алексей – в салдатех, а ныне он на службе великого государя в Озове Андрюшка, Стенька, Антошка – все ввозросте».

Или:

«...в 1695 г. Алексей Прилепин ходил в Азовский поход Петра Первого. В 1689 г. Иван Федотов Прилепин, Свирид Матвеев Востриков (брат предка писателя) ходили в Крымский поход В. В. Голицына».

И проводит, выплетает эту ниточку через столетия – ко мне.

Ох.

Илья Рыльщик

Захар Прилепин своим творчеством и своей общественной деятельностью возвращает нам, людям, живущим в начале XXI века, наше настоящее, возвращает нам самих себя.

Нам на протяжении последних десятилетий вдалбливали, и некоторых почти смогли убедить, что новые классики русской литературы – это Солженицын, Довлатов, В. Пелевин. А тут пришёл Захар с махоркой в закоулках кармана пра-

прадедовского тулупа, и со смутноразличимым полужвериным бормотанием прародителей, доносящимся из лесных, меж чудью и мордвой, дебрей. А ещё со своим Донбассом он свалился на наши головы, даже к тем, кто не хотел про Донбасс ничего слышать, с неудобной правдой, со старомодной справедливостью, с имперскими установками. Пришёл, встряхнул и отрезвил нас, вернул нам самих себя.

А ещё наши с ним корни переплелись в южнорусском родовом клубке, который существовал даже не на географическом пространстве – южнорусском подстепье, Черноземье – а на военно-политическом. Мы с ним родом из Белгородской засечной черты. Наши с ним предки и строили её, и защищали южную границу государства, и в походы ходили в Дикое поле на татарскую сторону, и свой собственный земельный надел возделывали, и детей на свет производили – будущих воинов, трудяг-землепашцев, матерей будущих воинов, рукодельниц и мастериц. Архангелогородцы – родня Михайле Ломоносову, сибиряки – Ермаку Тимофеевичу, великий Василий Шукшин грезил родным для него по духу и, наверное, по крови Степаном Разиным, есть прекрасные Парма и Тобол. Но мне интересны те удивительные люди – и Захара предки, и мои, и миллионов воронежцев, белгородцев, курян, липчан, тамбовчан, – которые раздвинули Россию на юг и оставили в своих владениях обширные плодородные чернозёмные степи бассейнов Дона, Воронежа, Оскола и Северского Донца. Этих людей можно срав-

нить с пионерами Фенимора Купера, разве что индейцев они не теснили, напротив, сами терпели жестокие испытания. По расчётам крупного специалиста по российской истории XVII века, советского учёного А. А. Новосельского, крымские и ногайские татары только за первую половину XVII века, угнали в полон 150–200 тыс. русских. Русское население вело ожесточённую борьбу со степняками. Советский историк В. П. Загоровский пишет: *«Служилые люди и крестьяне выходили на пашню с оружием, скрывались от татар в лесах и небольших деревянных острожках, смело вступали с врагом в бой, отбивали захваченных в плен родных и близких, жителей своего и соседних уездов»*. Ещё один замечательный советский учёный, академик М. Н. Тихомиров заметил, что: *«есть что-то... чудесное в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар»*. Мы с коллегами думаем о тех людях, собираем разрозненные крупицы о той их жизни, пытаемся раскопать о них всё, что в наших силах. Они для нас – наши родные пионеры, и в первую очередь именно поэтому они нам интересны.

На сегодняшний день в различных лабораториях, находящихся в разных странах мира, жителями России самых разных национальностей сделано уже несколько тысяч ДНК-тестов. Своим проектом «ДНК-тесты замечательных людей» мы на нескольких примерах хотим показать, как знания о прошлом отдельных родовых линий, распутанные волшебные клубки отдельных человеческих родов, дают нам дета-

ли изображения прошлого всего нашего народа. Наш проект мы начали с Y-хромосомного анализа Захара Прилепина.

Помните путешествие по венам главного героя романа «Обитель»?

«Артём спал, зажмурившись изо всех сил, и во сне словно бы летел на узкой лодке по стремительной и горячей реке своей собственной крови – и течение этой крови уводило его всё дальше во времена, где на одном повороте реки тянули изо всех сил тетиву, но перетягивали ровно на волосок – и стрела падала за спиной его праотца, а на другом повороте – стреляли из пушек, но во всякое ядро упирался встречный ветер, и оно пролетало на одну ладонь мимо виска его прадеда...»

У нас с вами, уважаемый читатель, есть возможность по-настоящему совершить такое путешествие «по реке крови». Осенью 2017 года я договорился с Захаром об его Y-хромосомном тестировании в Московской лаборатории ДНК-генеалогии. В октябре мы встречались для отбора проб, в ноябре был получен результат тестирования. Затем мы в немецкой лаборатории сделали повторный тест на снипы, то есть на подтверждение или неподтверждение принадлежности Y-хромосомы тестируемого к тому или другому снипу (той или другой ветке).

Захар

Вот. Прошёл тесты. Всё теперь про меня известно.

Я финно-угр. В шумеры не взяли.

Почти детективная история:

«Результат Захара находится в трёх мутациях (различиях в значении) от потомка Рюрика Пузыны и в четырёх мутациях от потомка Рюрика Татищева».

Маленько не домутировал. А то бы права на трон предъявил бы.

Илья Рыльщик

О чём вообще идёт речь? Если кто-то не знает, Y-хромосома от отца к сыну по прямой мужской линии копируется практически без изменений, вернее, с минимальными изменениями. И благодаря такому копированию Y-хромосомы можно получить информацию о прямой мужской генеалогической линии человека, отследить родственные связи между людьми и группами людей, осветить тысячелетия человеческой истории, скрытые во тьме.

Захар

Переписал в строчку своё генеалогическое древо по линии Прилепиных. Имена, на которые смотрю зачарованно.

Федот Прилепин (11 колен) – XVII век.

Федот родил Ивана Федотова Прилепина (10 колен).

Его сын был Андрей Иванов Прилепин.

Его сын был Прилепин Семён Андреев (1685–1749).

В свою очередь его сын Степан Семёнович (1721–1800) и

Страхова Екатерина Петровна (1722–?) родили Прилепина Евдокима Степановича (1744–?).

Евдоким и его жена Вострикова Мария Герасимова (1742–?) родили Калину Евдокимова Прилепина.

Калина и его жена Ефимья (1751–?) родили Ивана Калинина Прилепина (1793–1840).

Иван и его жена Прилепина Акулина Миронова (1791–?) родили Никиту Прилепина.

Никита Иванов Прилепин (1821–?) и его жена Марфа Демидова (1823–?) родили Прилепина Петра Никитича (1854–?).

Пётр Никитич и его жена Акилина Евстафиева родили Прилепина Захария Петрова (1875–1963).

Мой прадед Захарий Петрович Прилепин, родившийся за сто лет до меня, родил с женой – Кузнецовой Марией Степановной, моей прабабушкой, – моего деда Семёна Захаровича Прилепина (1914–1996).

Прилепин Семён Захарович со своей женой, моей бабушкой, Востриковой Марией Павловной, родили моего отца – Прилепина Николая Семёновича.

Прилепин Николай Семёнович и его жена Нисифорова Татьяна Николаевна родили меня.

Если по мужским именам, то так: Федот – Иван – Андрей – Семён – Степан – Евдоким – Калина – Иван – Никита – Пётр – Захарий – Семён – Николай – я.

Илья Рыльщик

Чем замечателен результат нашего исследования?

А тем, что цитата из романа «Обитель» о стреле, которая падала за спиной праотца, и о ядре, которое упиралось во встречный ветер, удивительно точно характеризует события, происходившие с родом самого писателя. За 120–150 поколений его родовая веточка едва не погибла, едва не пресеклась, истончала до волоска. Стрелы неприятеля, огонь, мор, болезни уничтожали её и угрожали ей. Может быть, не один десяток раз над этой родовой веточкой нависала угроза гибели, полного исчезновения, – а она всё-таки выжила, и с Екатерининских времён, со времён славных военных побед Суворова, мы знаем, что она начала потихоньку разрастаться и крепнуть. Снова – как в «Обители»:

«Артём забрался с головой куда-то в глубину, в нору, в собственное тепло, в детство, в материнскую утробу, в отцовский живот, в далёкое и надёжное, как земля, сердцебиение и смутноразличимое полузвериное бормотание прародителей, донёсших его суматошную, смешную жизнь из лесных, меж чудью и мордвой, дебрей, из-под печенежского копыта, половецкого окрика, из путанных перепутий меж Новгородом, Киевом, Суздалем, Рязанью и Тьмутараканью, из-под татарского меткого глаза, смуты и чумной заразы, стенькоразинских пожаров, через год на третий неурожаев, из-под копыт опричнины, петровской рекрутчины, туретчины, неметчины, кабацкой поножовщины, бабьего беспло-

дья, засухи и половодья, водяного, лешего, конного, пешего, порки на конюшне, соседской злобы, любого из его рода, застрявшего по пути на Божий свет посреди утробы, – донёсших вот сюда, на Соловецкий остров».

Мой инструмент настроен тем же камертоном, что и инструмент Захара: я знаю эту сокровенную мелодию, она и ко мне приходила не один раз, я только на нотный стан её не мог записать, не получалось.

Захар

Удивительный человек Илья Рыльщикова провёл потрясающие розыски в моей генеалогии. 11 колен по отцовской линии – Прилепиных (Каликино, Липецкая область), и 8 колен по материнской линии – Нисифоровых (Казинка, Рязанская область).

Предки мои жили на одном месте столетиями. Это потрясающе.

В нашей семье бытовала уверенность, что странная фамилия Нисифоровы (куда чаще встречаются, как известно, Никифоровы) получилась оттого, что когда-то, в стародавние времена, где-то в конторе перепутали букву, и получились из Никифоровых – Нисифоровы. Но всё оказалось не так. Онисифор с греческого означает «приносящий пользу».

Если расписывать по именам, то вот такая картина получается.

Первый известный предок (8 колен) носил имя Леонтий.

У Леонтия был сын Сидор Леонтьев (прадед семи колен).

У Сидора Леонтьева был сын Анисифор (1762–до 1816).

От него и пошли будущие Нисифоровы.

Василий Нисифоров (1782–1857) с женой Ариной (пра(5)бабушка) – она родилась в год пугачёвского восстания, 1775, – родил Герасима.

Герасим Васильев (Нисифоров) (1803–?) и его жена Авдотья (ровесница, 1803–?) – родили Нисифорова Ивана Герасимова (1838–после 1883) – моего пра(3)деда.

Нисифоров Иван Герасимович с женой Ефросиньей Ивановной (1837–?) родили сына Феодора Иванова Нисифорова (1868–?) – моего пра(2)деда.

Феодор Иванович Нисифоров с женой Еленой Ивановной (г.р. 1868 – опять ровесница мужа!) родили моего прадеда Георгия Феодоровича Нисифорова (1892–1962).

У Георгия был сын (мой дед) – Нисифоров Николай Егорович (отчего-то не Георгиевичем был записан в паспорт), 1923 года рождения.

Нисифоров Николай Егорович и его жена Елена Степанова родили мою мать, Нисифорову Татьяну Николаевну.

Если по именам, то так: Леонтий – Анисифор – Василий – Герасим – Иван – Феодор – Георгий – Николай.

Вчитываюсь в эти имена трепетно и удивлённо.

Предок Леонтия и Анисифора, Василия, Ивана и Феодора – рязанских крестьян, – я пытаюсь взглядеться и рассмотреть их лица.

Детство

...мальчик я был странноватый, и деревенская бабушка моя искренне считала, что я скоро помру.

Никаких умных мыслей в моей голове не было. Я просто смотрел.

(инстаграм Захара)

Захар

В паспорте написано, что я родился в деревне Ильинка Скопинского района Рязанской области.

Это не совсем так. Семья моя действительно жила в Ильинке и там я провёл детство. Но родили меня в роддоме городка Скопин, в десяти километрах от моей Ильинки, где роддома не было.

Это случилось 7 июля 1975 года; три семёрки в дате моего рождения, считаю, чуть иронизируя над самим собой, время от времени приносят мне удачу.

В Скопине в своё время родился автор песни «Эх, дороги...» композитор Анатолий Новиков, маршал СССР Бирюзов, кинорежиссёр Лукинский, драматург Афиногенов, философ Хоружий, в том же городке жил и учился будущий российский политик Владислав Сурков.

Я был крещён вскоре после рождения в церкви села Казинка – это соседнее с Ильинкой село, откуда происходил

родом мой дед по матери.

Татьяна Николаевна Прилепина

мама [интервью Л. Зуевой, 2021]

Его я задумала ещё до рождения, именно мальчика и с именем уже, хотя досужие кумушки все как одна пророчили «девку». Но родился он.

Ребёнок рос особенным: он не плакал, спал всю ночь, просыпался сухим. С года мог один подолгу сидеть играть, либо листать книжки и рассматривать открытки художественные. Был задумчив и терпелив. В 3 года говорил хорошо, но очень не любил досужих вопросов взрослых, типа «ты чей», «как зовут» и т. д. Дома же очень подолгу расспрашивал меня обо всём, что видел. Сказки почти не читали, как-то взяла сборник Есенина – и он заслушался...

У сына с малого детства особенный взгляд – смотрит, будто видит тебя насквозь.

Захар

Отец мой, Николай Семёнович Прилепин, преподавал в соседней с Ильинкой деревне Высокое историю и одновременно был директором школы. В летние каникулы он брал заказ на ремонт школы и вдвоём с каким-нибудь приятелем красил здание, менял окна, штукатурил и тому подобное. Он всё умел делать, в том числе виртуозно играл на гитаре и баяне, и как баянист был званым гостем на всех свадьбах; ри-

совал, в том числе на заказ, но чаще дарил свои картины за так, или за «банку вина», как он это называл. Практически все его работы, за исключением нескольких, утеряны.

Отец научил меня ценить живопись: более всего – Константина Коровина и Петрова-Водкина.

«Краски России» – книга рассказов Константина Коровина, одного из любимейших моих художников. Эту книжечку купил в Липецке и привёз в Каликино мой отец. Мы с ним жили вдвоём в маленькой избушке прямо на скотном дворе, за стеной хрюкали поросята, бляели козы, орал петух. И я читал Коровина, ликуя. Коровин меня покори́л. Я просто в него влюбился. До сих пор помню его пронзительные рассказы: про собаку по кличке Феб, про увиденную ночью лошадь, про охоты, про друзей, про ласковую судьбу. Писал он эти чудесные вещи, будучи в изгнании и в бедности. Помимо Коровина, отличными писателями были и Верецагин, и Петров-Водкин, но Коровин зацемил моё детское сердце навсегда. Это моё личное чудо, спасибо папе.

(инстаграм Захара)

Отец был под метр девяносто ростом; во всех компаниях, где я его видел, он всегда был самым сильным и самым умным. Рядом с ним я никогда и ничего не боялся.

В юности отец хотел стать художником, и музыкантом он тоже хотел быть, и, кажется, ещё поэтом – я видел несколько

его стихов, в рубцовском стиле написанных; потом они тоже потерялись.

Никем из перечисленных отец не стал, и это его со временем надломило. Он выпивал, как и многие мужики в те времена, но выпивал безжалостно к самому себе.

Впрочем, пока он был молод и полон сил – это не было так заметно.

Было отцу лет восемь. И вот он говорит матери (моей бабушке): «Купи мне гитару». Она пошла, продала поросё, купила гитару. Гитары тогда были дорожными, половину поросё за неё отдала. Дед её чуть не прибил тогда. А отец засел с этой гитарой в курятнике и сам научился играть. Отличный гитарист был. Ещё через два года: «Мам, купи мне баян». Бабушка двести яиц сдала и купила баян. И отец опять сам его освоил – множество песен знал, аккомпанировал прекрасно...

Годы спустя я обнаружил письмо отца той поры, когда он ухаживал за матерью. Ей было 17, ему – 22. В том письме он пишет, что хочет чего-нибудь добиться в жизни, только ещё не решил – в литературе, в музыке или в живописи. Разносторонний, одарённый был человек, но не мог определиться. Так себя ни в чём и не реализовал, по сути. Многие впадают в депрессию, когда что-то не удаётся в жизни, а мой отец всегда был внешне спокоен, сдержан, невозмутим, я никогда не видел его в плохом настроении. Но внутри-то

его точило.

(интервью Захара Прилепина, журнал «Батя», август 2017)

Мы держали в Ильинке небольшое хозяйство: кур, уток, у нас был огород.

Огород отец вспахивал сам: запрягал лошадь и пахал; я смотрел на это.

Крестьянский труд, как и любой другой, давался ему легко.

– Помню, были мы как-то на пилораме, и отец «распахал» себе руку циркулярной пилой. И ничего: завернул платком и пошёл как ни в чём не бывало. Абсолютное спокойствие. И так во всех ситуациях, когда что-то происходило: всегда спокойный вид, всё под контролем, всегда невозмутимый, никакой суеты...

У меня было ощущение абсолютной несокрушимости отца. Прошли годы, а это чувство сохранилось.

Никакого воспитания в виде назидательных разговоров не было: его пример сам по себе был воспитанием.

Я это тоже унаследовал: меня мутит от любого дидактизма.

(интервью Захара Прилепина, журнал «Батя», август 2017)

Родом отец происходил из села Каликино Добровского района Липецкой области – до появления Липецкой области село числилось в Тамбовской губернии. Каликино стоит на притоке Дона – реке Воронеж. Я считаю себя вспоённым донской водой.

В Каликино я проводил бóльшую часть лета с самого раннего детства до шестнадцати лет, и считаю эту деревню своей родиной в поэтическом смысле. На окраине деревни есть высокие холмы, куда я уходил и сидел там целыми днями, не зная зачем, глядя на простор и заходящее солнце.

Деда моего звали Семён Захарович, он тоже был высок, белес, степенен, необычайно силён физически, имел басовитый голос, слышимый за целую улицу. Великую Отечественную он начал артиллеристом, командиром орудия, летом 1942 года попал в окружение и в плен, и сидел в немецких лагерях до конца войны. Освободили его американцы. Когда его выпустили – он весил 47 килограмм. К своим он пошёл пешком. Деда допросили и отпустили восвояси.

Со своей женой – моей бабушкой – он поженился ещё до войны, и она, не получив от него ни одной весточки, кроме письма в 1942 году, ждала его всю войну и дождалась.

Письмо это я видел и читал. Там дед писал, что был в страшном бою, они отражали танковую атаку, но теперь всё хорошо и он просит жену ждать его.

Бабушку звали – Мария Павловна, она была настоящая русская женщина, богомольная, терпеливая, никогда и ни

при каких обстоятельствах не повышавшая ни на кого голоса. Читать она едва умела, и в школе училась то ли класс, то ли два. Бабушка была, как и дед, каликинская. В речи её было много сугубо казачьих диалектизмов.

Письмо деда тоже потерялось. Оно было на открытке.

Татьяна Николаевна Прилепина

мама [интервью Л. Зуевой, 2021]

Дедушки и бабушки его любили нежно очень. Будучи учеником в средней школе, он писал необыкновенно трогательные письма им на 9 Мая, – родители мои просто плакали и все письма эти сохраняли.

Захар

Мать моя, Татьяна Николаевна, в девичестве – Нисифорова, работала в сельской ильинской больнице. Рядом с больницей стояла не разрушенная, но ещё не открытая тогда церковь. Я очень часто гулял вокруг этой церкви. Она казалась мне высокой и загадочной.

Напротив церкви стояла двухэтажная школа – потом её разрушили, – где я начал учиться.

Моего деда по матери звали Николай Егорович Нисифоров, они с бабушкой жили в пригороде Скопина – в пору моего детства это место называлось совхоз им. Мичурина. Потом совхоз переименовали в село Успенское.

Дед с бабушкой (мы называли её бабушкой) были хлебо-

сольны, постоянно собирали гостей, устраивали огромные застолья. Держали хозяйство: две коровы, несколько свиней, кролики, утки, гуси, куры.

Дед был охотником.

Ещё он научил меня косить. Всё лето я и мой двоюродный брат Колёк, будущий герой многих моих рассказов, занимались крестьянским трудом; думаю, это пошло мне на пользу.

Дед прошёл почти всю войну, начав воевать под Сталинградом и встретив победу в Венгрии. Он был пулемётчиком и потерял только вторых номеров пять или шесть человек. Вообще же из его пулемётного расчёта погибло более двух десятков солдат. Когда они штурмовали Днепр, снаряд попал в плот, на котором они плыли, и все погибли; деда выбросило в воду – он не был ранен, но и плавать не умел; чудом уцепился за какое-то бревно и доплыл.

В 1946–1947 годах дед дослуживал на территории Западной Украины, и всю жизнь ненавидел бандеровцев; «бандера» – с маленькой, потому что это произносилось как синоним «негодяя» или потенциального предателя, – было у него одним из самых ругательных слов.

Когда дед вернулся с фронта, мать его не узнала, потому что на него ещё в 1942 году пришла похоронка. Писем домой он всё это время не писал. Говорил, что тогда он едва умел писать. В школе он тоже учился то ли один класс, то ли два.

На самом деле, сильно контуженного в боях под Сталинградом деда подобрала какая-то баба, и он у неё сначала

оклемался, а потом ещё жил какое-то время – дрова, говорит, рубил.

В общем, когда он вернулся, ему заново засчитали поступление на службу – уж не знаю, как он исхитрился объяснить, куда он делся на несколько месяцев. Видимо, по этой причине дед старался не попадаться никому не глаза и даже писем домой не писал.

Он был награждён медалями «За отвагу» и «За взятие Будапешта».

Родители моего деда работали на даче у наркома Ворошилова и видели Сталина. Надеюсь, что в каких-нибудь документах рано или поздно обнаружатся садовники Нисифоровы – это мои.

Бабушку мою, жену деда, звали Елена Степановна, она была родом из-под Воронежа, говорила, что она казачка, и навела меня на мысль почитать книги про Степана Разина – она сама читала романы и Чапыгина, и Злобина. Чапыгин ей нравился больше.

Мать моей бабушки, моя прабабка, была откуда-то из центральной Украины и говорила исключительно на суржике, фамилия её была Толубеева, звали Марией. Я её не застал, она умерла молодой, но бабушка так рассказывала.

В конечном итоге я считаю себя одновременно и рязанским, и липецким, и тамбовским, и воронежским. И заодно немного малороссом.

Бабушка знала песни на украинском и пела их иногда.

Они устраивали с моим отцом концерты – он на семиструнной гитаре, она на балалайке – играли «Страдания»; это было бесподобно.

Когда отец и бабука играли вместе – так выглядело моё счастье.

В Ильинке у нас был проигрыватель грампластинок, и на нём мы непрестанно, целыми днями, крутили два первых диска Александра Дольского, которые отец привёз из Рязани. Пластинку Дольского «Государство синих глаз» 1980 года я до сих пор считаю чудом. Много позже я встретил Дольского и сказал ему об этом. Он был первым поэтом, которому я дал почитать свои стихи. Дольский перезвонил мне и сказал, что я талантлив. Я очень благодарен ему.

Совершенно обычный момент в советское время: человек берёт гитару и поёт. И все слушают. У нас дома, когда собирались, всегда пели под гитару. Или отец играл просто какие-то штуки. Он их разучивал (я был маленький, и слушал, как он разучивает). А потом, как бы между делом, играл. Так часто бывало в советских фильмах – все говорят, спорят, и кто-то играет, и тихонько поёт. Так и было, подтверждаю... Мы с пацанами шли в поход – всегда с гитарой. Если во дворе пацан с гитарой – девушки сразу сбегались.

И вот теперь. Я сто лет уже никаких гитар нигде не видел. Есть они вообще? Зато сейчас караоке есть. Я ненавижу караоке. За этот чудовищный звук «фанеры». За по-

стоянное отсутствие минимальных навыков у пытающихся петь, и вообще за навязчивое дилетантство в подходе: вот я включу «ансамбль» и буду исполнять.

Мне нравилось, что человек брал гитару, потому что он учился на ней играть, на гитаре надо учиться, это труд, за труд уважали. Человек умел – и в этом была иерархия. Все удивлялись: о, а он умеет!..

*Караоке не имеет иерархии. Врубил, и ори.
(инстаграм Захара)*

Мы прожили в Ильинке до 1984 года и переехали в Дзержинск тогда ещё Горьковской области, где у матери жил брат, писавший ей, что в городе дают молодым работникам бесплатное жильё и можно найти хорошую работу.

Сначала в Дзержинск переехал отец и устроился преподавателем в ПТУ № 44 на проспекте Дзержинского.

Потом приехали мы всей семьёй: мать, старшая сестра и я. Мать устроилась на завод «Корунд». Мы жили в общежитии на проспекте Дзержинского, 36, это был последний дом в городе, дальше начиналась заводская зона.

В Дзержинске, в возрасте девяти лет, я впервые открыл синий томик Сергея Есенина, хотя мама читала мне его вслух ещё в Ильинке, и я, к примеру, был тогда уверен, что «хатывризахобраза» – это одно волшебное слово.

Один из первых моих снов, мне запомнившихся – лет пять

было тогда, – как Пушкин и Есенин вдвоём бегут по улице. Проснулся и поплёлся к маме (дело было в деревне Ильинка) и спрашиваю: а вот эти два дяди – они виделись? Она говорит: ох, нет. А я точно знал, что виделись.

(инстаграм Захара)

В доме нашем имелось много другой поэзии, отец любил и собирал стихи, но Есенин был, как и я, рязанский, – и это повлияло на мой выбор. Я начал читать его сам и едва не потерял от чего-то неизъяснимого рассудок. До сих пор я могу продолжить любую строчку из стихов Есенина по памяти и сказать, в каком году эти стихи написаны.

В том же году мне попала в нашей библиотеке книга писателя Злобина «Степан Разин», вся пожелтевшая, в переплёте, сделанном из жёлтой в чёрную крапину занавески – про этот роман мне говорила бабука, теперь я прочитал его, и был совершенно потрясён.

Немногим позже я нашёл романы о Разине Чапыгина и Шукшина, они мне тоже нравились, но Злобин – больше всех. В детстве я перечитывал эту книгу, быть может, двадцать или тридцать раз. Она тронула меня больше, чем «Остров сокровищ» или «Робинзон Крузо».

Хотя, конечно, два американца – Лондон и Твен, два британца – Конан Дойл и Киплинг, и два француза – Дюма и Жюль Верн, – доставили мне много удивительных минут: лучшее из написанного ими – в чистейшем виде волшебство.

Другой моей любовью был Аркадий Гайдар. Помню, я болею, простыл, и мама мне читает «Школу» Гайдара, – прекрасно.

Я стал тем, что я есть, благодаря этим книжкам, моему деревенскому детству и моим трудолюбивым, незлобивым, щедрым старикам. Все они – Семён Захарович, Мария Павловна, Николай Егорович и Елена Степановна – очень сильно повлияли на меня, я всех их очень и по-разному любил.

В девять лет я начал писать стихи.

Первое из написанных мной стихотворений завершалось так: «Люблю я Русь, клянусь».

Отец говорит: «Молодец! Но нужно, чтобы были метафоры, чтобы была образность». Это единственный такой разговор был. А так... Он читал «деревенщиков», читал редкие для деревенского мира книги: Хемингуэя, чуть позже – Газданова. Но больше всего любил поэзию: Есенина, Рубцова. Что я точно унаследовал от отца, так это любовь к творчеству Вертинского и Дольского.

Лет, наверное, 11 мне было, когда я прочитал «Детство Тёмы» Гарина-Михайловского. Не удержался, очарованный, и прочитал три продолжения: «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры». Какой-то удивительный мир: конец XIX века, взросление, любви, надежды. С тех пор не перечитывал, но детским чувством очень дорожу. Это всё увлекло меня больше, чем, скажем, Дюма или Стивенсон.

Думаю, это хорошая проза. Мама два раза перечитывала, тоже была очарована. Гарин-Михайловский почти забыт. Замечательный был писатель. Я следом прочитал и «Детство» Толстого Льва, и «Детство Никиты» Толстого Алексея, и «Детство» Горького – все три гениальны, но к Гарину сохранилось особое и, пожалуй, самое трепетное чувство. А потом там ведь было ещё и про «телесное» (очень сдержанно, но ярко при этом) и (я был очень удивлён в советском 1986 году) очень скептический портрет революционера. В общем, целый мир. У меня так и живут эти герои внутри, в сердце.

(инстаграм Захара)

Учились мы с сестрой в школе № 10 на площади Маяковского. Из школьного коридора был виден отличный памятник Маяковскому. Напротив моей школы был роддом, в котором, скорей всего, родился в 1943 году Эдуард Лимонов, но тогда я ещё об этом не знал.

Юность

Захар

Юность я провёл в городе Дзержинске. И там Феликс Эдмундович Дзержинский как стоял, так и стоит на центральной площади. Тогда матёрые антисоветчики тоже хотели Дзержинск переименовать, но столкнулись с проблемой – до того, как стать Дзержинском, тут была деревня Растяпино. И на такое даже самые злобные борцы с Советской властью пойти не могли.

А из окна моей школы был виден отличный памятник Маяковскому. Я на него смотрел. Поэтому чего вы хотите от меня. Я дитя эпохи. Воспитанный на примерах Дзержинского и Маяковского, учившийся в школе им. Героя Советского Союза Александра Молева, его бюст у школы стоит. Так что вот.

К тринадцати годам я был совершенно сдвинут на поэзии Серебряного века. Целыми днями я читал стихи и едва не бредил ими. Отец подарил мне печатную машинку и я понемногу собрал антологии русских футуристов, символистов и акмеистов, перепечатывая их собственноручно, двумя пальцами.

Если стихи Маяковского и Каменского (футуризм), Блока и Брюсова (символизм), Городецкого и даже Ахматовой (акмеизм) были доступны, то Мережковского, Белого, Соло-

губа и Бальмонта, Хлебникова и Бенедикта Лившица, и тем более Гумилёва найти было куда сложнее.

Но я находил.

Во-первых, в разнообразных советских поэтических антологиях, где почти все вышеназванные появлялись время от времени.

Во-вторых, у нас было советское собрание сочинений Корнея Чуковского, и там были, о, чудо, в отличной статье о футуристах – множество примеров футуристических стихов, иные даже целиком; ещё там была статья про Фёдора Сологуба, тоже с целыми стихами в качестве примеров; там я обнаружил блистательную статью про Игоря Северянина – и странным образом влюбился в его стихи, которые собрал в отдельную, собственного изготовления, книжку. Почти всего классического, начиная с «Громокипящего кубка» и года до 17-го Северянина я знал наизусть (сейчас я думаю – с некоторой, быть может, печалью, – что это очень средний поэт).

В-третьих, какие-то редкие издания перечисленных поэтов я обнаружил в запасниках дзержинского Дома Книги, где иногда сидел целыми днями, понемногу прогуливая школу; а что-то к 1987 году начало появляться в периодике.

В любом случае, когда отец прошил и переплёл собранные мною антологии символистов, футуристов и акмеистов – их в России не существовало вообще: собрали их, и начали издавать только лет десять спустя.

Двоюродная моя сестра Саша училась на филфаке – и носила туда мои антологии, потому что других учебных пособий по теме русского модернизма начала века просто не было.

В 1989 году я увидел в кинотеатре работу Алана Паркера «Сердце Ангела» с Микки Рурком в главной роли, и пересмотрел его несколько десятков раз, будучи поражён эстетической безупречностью фильма и явственным ощущением чего-то потустороннего. Рурк там играл гениально.

У сестры Саши был парень – Геннадий Ульянов, носивший прозвище Ганс. Он был музыкантом.

В 15 лет я начал учиться играть на гитаре и сочинять песни – скажем, песню «Вороны» я придумал в 16 лет, записал на аудиокассету, а спустя 25 лет извлёк, немного переделал текст и записал: её исполнил рок-бард Бранимир.

С Геней мы были неразлучны года четыре подряд. Я нещадно прогуливал школу, мы целыми днями слушали музыку, пили пиво и мечтали о скорой славе.

Александра Викторовна Нисифорова

двоюродная сестра, жена соавтора песен группы «Элефанк» Геннадия Ульянова [интервью Л. Зуевой, 2021]

Когда Захару было 16, мы начали переписываться. Я училась в университете в Нижнем, он – в Дзержинске в школе, времени встречаться не было, но главное: письма – это особый способ общения.

Первое письмо я получила по почте 3 декабря 1990-го. Написано красной (!) пастой и адрес, и всё письмо – улыбаюсь... Удивляюсь. Читаю. И как-то прибило меня его мудростью и одиночеством, и искренностью: *«Напиши мне что-нибудь. Чтобы можно было в который раз перечитывать и ничего не понимать»*. И сразу стал старшим братом и другом. *«Мне просто трудно искать любимое в чужом. И трудно находить в любимом – чужое»*. От такого доверия и с ума сойти недолго... Писали друг другу многостраничные письма, в них кричали, ругались, думали, плакали, мечтали, любили, жаловались...

С Геней Ульяновым я познакомилась в 1989-м, наверное... Он был человек-фейерверк, улыбчивый и добрейший. Как я их с Захаром познакомила, не помню; пришли в гости и познакомились, долго ли? Даже статейку написала о них в местный «Дзержинец» – «Глоток чистого воздуха». Для меня они оба были ходячими кислородными баллонами, спасающими от удушья 90-х. Они подружились. Дружить им было «весело»: Захар – ломаная линия, ломающаяся на ходу без остановки, – колючий, мучающийся, сомневающийся, Гена – волчок, дитя, его смешили изломы и колючки Захара, он жаждал простоты и радости. «А ещё недавно был у Ульянова, и он был очень счастливый. Я его попросил, чтоб он поделился со мной настроением, а он ответил: “Ты, Жень, какой-то неделющийся!”» – пишет в письме Захар. Но в моей анкете (девчачьи затеи) Захар в 1996-м на вопрос «Кто твой

друг?» пишет – «Ульянов»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.